КРОКОДИЛ

— Дедушка, ты меня любишь?

— Конечно, внученька.

— Тогда срежь бороду, я из нее шиньон сделаю.

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

Александр ВИХРЕВ

СЕНЬОР ТЕЛЬО ЛЕЗЕТ В ИСТОРИЮ

С приближением столетия со дня рождения В. И. Ленина в местах скопления «специалистов по России» наблюдается все большее оживление, переходящее в нездоровый ажиотаж.

Антикоммунистическая барахолка кипит и волнуется, вздымая удушливую архивную пыль. Там и сям расторопные «кремлинологи» бойко расхваливают свой подержанный, трухлявый, бросовый товарец — всяческие «истолкования», «разоблачения» и «опровержения» ленинизма.

Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!.. Ну, вот это, скажем, что за фигура? Познакомимся: Гомес Тельо, испанец. Выгодно продал центральной газете франкистской фаланги «Арриба» серию статей на очень животрепещущую тему... На тему, давно уже вдоль и поперек исхоженную бесчисленными толпами упомянутых «специалистов»: о том, какое право имела совершиться Великая Октябрьская социалистическая революция и почему — кар-р-рамба! — это ей удалось.

На первый взгляд в статьях Гомеса Тельо нет ничего интересного. Может показаться, что он просто жует и пережевывает тухлую антибольшевистскую жвачку полувековой давности. Кто, дескать, персонально виновен в том, что допустил революцию в то время, когда ее надо было «не пущать», и каким «хитроумным маневром» большевикам удалось взять власть.

В общем, читая эти статьи, не сразу понимаешь, с какой целью они написаны. Для чего, говоря словами поэта, пролито столько желчи.

Не будем, однако, забывать, что сеньор Тельо живет в сегодняшней Испании, задавленной, но не сломленной фашистской диктатурой. В стране, которую все чаще сотрясают раскаты классовых битв; где под холодным пеплом инквизиторской системы не гаснут огни народного непокорства; в стране, для которой вооруженная борьба за демократию не пожелтевшая страница, а живой факт новейшей истории.

Вот поэтому-то Октябрьская революция 1917 года так занимает сеньора Тельо. И притом не сама по себе и даже не только в историческом плане.

Ну, начать хотя бы с русской интеллигенции. Ах, уж эта интеллигенция! Нет в ней никакой законопослушной твердости, одно смутьянство на уме. Вместо того, чтобы с единогласным пением «Боже, царя храни!» шпаклевать трещины и щели в фундаменте монархии, она с интересом читала «Капитал» Маркса. «Русская интеллигенция,— негодующе пишет Г. Тельо,— оказалась не на высоте, не дав отпора народничеству и марксизму и допустив создание в 1895 году «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

А как, собственно, дошло до такого вольномыслия? Откуда, к примеру, «Капитал» то появился? «Русские издатели, распространяя подобную литературу, обогащались на свою погибель». Будь русские книгоиздатели подальновиднее да пощепетильнее в выборе литературы — и история потекла бы совсем по другому руслу. Впрочем, что там спрашивать с издателей, когда и сама «царская цензура оказалась слабой».

Заодно досталось от сеньора Тельо царской охранке. Она тоже, оказывается, не сумела «поставить плотину» на пути революционного потока. Взять хотя бы карательные меры. Ссылали большевиков в Сибирь. Гомесу Тельо это решительно не нравится. Он с раздражением называет этот холодноватый край «русской Швейцарией». Сосланные туда революционеры играли, дескать, в снежки, занимались горнолыжным спортом и вообще закалялись. А надо бы, мол, ссылать их куда-нибудь подальше, в места более перевоспитательные.

Да, еще этот, как его, поп Гапон. Если б не он, то не было бы первой русской революции 1905 года. А ежели не было бы первой, то откуда взяться второй и тем более третьей?

Вот такое получается драматическое стечение роковых обстоятельств. Цензоры чего-то недоглядели, издатели вовремя не спохватились, интеллигенция оказалась не на высоте, жандармы не отыскали более гиблого места, чем Сибирь... Как тут не быть революции!

Теперь спрашивается: какой резон редакторам ведущей франкистской газеты печатать в наши дни этот стоеросовый исторический экскурс? Что у них, нет более злободневных забот, ну, хотя бы полицейско-усмирительного свойства?

Должен быть резон! Непременно!

На что в самом деле намекает сеньор Гомес Тельо, расписывая «слабости» и «ошибки» царской жандармерии, издателей, цензоров и пр.? Кому он советует извлечь уроки из этих «слабостей»?

Это он своим собратьям-франкистам нашептывает. Это их он между строк науськивает ужесточить цензуру, подзакрутить полицейские гайки, поприжать вольнодумство... Дабы не случилось, дескать, так же, как тогда в России...

Конечно, познакомившись с «теорией русской революции», изготовленной сеньором Тельо, любой мало-мальски грамотный человек только снисходительно усмехнется. Однако для тайного осведомителя, наемного провокатора, агента фалангистской охранки эта «теория», возведенная газетой «Арриба» в ранг официальной доктрины, звучит как полицейский циркуляр.

А, между прочим, богатый опыт той самой революции, историю которой так легко и непринужденно вывернул наизнанку сеньор Тельо, свидетельствует отнюдь не о всесилии полицейских циркуляров.

И поэтому натужные попытки извлечь из этой истории какие-то вечные держимордовские истины и безотказные жандармские аксиомы — дело заведомо нерентабельное.

Впрочем, свою пригоршню песет за серию статей сеньор Тельо все-таки получил. И даже, возможно, был допущен в дворницкую каудильо, где в знак признания его погромно-теоретических заслуг ему разрешили почистить священные сапоги испанского самодержца...

...Вздымая удушливую архивную пыль, кипит и волнуется антикоммунистическая барахолка. Гнилые, траченные молью, бывшие в употреблении, рассыпающиеся на глазах теорийки и рецептики антиленинизма идут нарасхват.

Конъюнктура!

Вадим ПОЛУЯН

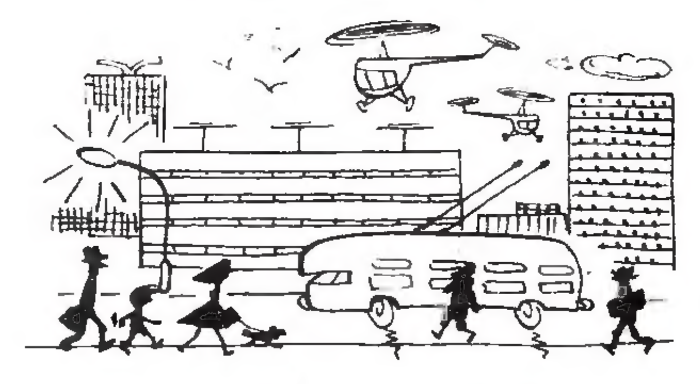

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

За Уралом ли, за Алтаем,
Где орех с самородком схож,
Врали: рыбка есть золотая.
Мол, поймаешь,— желай, что хошь.
И в прозрачном озере-зеркале
Митрофан колупнул крючком...
Вздернул рыбку... Воззрился зенками...
Да и лап на нее ничком.
Рыбка трепетная как взмолится,
«Отпусти!» — говорит. А он:
«Ну-ка, выстрой мне за околицей
Парк культуры и стадион!»
Хоть не верилось молодому,
Брякнул просьбишку сгоряча.
Отпустил.
А дошел до дому,
Слышит: песня! Удар мяча!
Смотрит: с девушками попарно
В тихом парке гуляют парни.
А поодаль, по-над трибунами,
Воздух полон словами буйными.
Там болельщиков дрожь знобит.
Свист и гул. Значит, гол забит!..

С этих пор по весне, по осени,
Что ни день — Митрофан на озере.
То открой ему школу сотую,
Чтоб вокруг вырастали умницы,
То гостиницу строй высотную,
То асфальтом залей все улицы...
Не узнать села глухоманного,
Деревянного да саманного.
Вырос город стеклянно-каменный,
Рестораны зовут оркестрами,
Филармония — нотой камерной...
Все кишит гостями окрестными.

И на каждую просьбу рыбка
Головою кивает ласково.
И на все у нее улыбка,
И на все-то она согласна,
И на все-то она способна,
Успевай плоды пожинать!
Что ж бы вытребовать особенного!
Что ж бы нового пожелать!
«До сих пор, золотая рыбица,
Ты не шла мне наперекор,—
Пусть гигант многотрубный вздыбится
Здесь, у этих вот берегов!»
Было сказано, как отрублено.
Было рыбкою верно понято.
Комбинат замаячил трубами,
«Лисий хвост» распуская по небу.
И по озеру жирной радугой
Растеклось ядовитое снадобье...
Митрофан прибежал обрадованный.
«А еще,— закричал он,— надо мне...»

Свод лазоревый громом рыкнул,
Отозвался по сопкам гул...
И прибило дохлую рыбку
К Митрофанову сапогу.

— Могу предложить вам импортную жакетку, если вы уплатите небольшую пошлину...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Валентин ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

Крах экспедиции

Это правда, конечно, что не в деньгах счастье. Но, с другой стороны, много ли счастья обретешь, если карман не пухнет от купюр?

А удовольствия вокруг нас. Они зовут к себе, берут за душу медвежьей хваткой и страстно шепчут:

— Ищи монету!

Радости переполняли Алма-Ату. А товарищ Увашев ощущал тоску по причине карманной опустошенности.

Что делает в таком случае лирик? Лирик лезет в долги или заламывает руки, терпеливо ожидая премии.

Премия — это, конечно, хорошо. Но товарищ Т. Увашев не лирик. Он замминистра Минлесбумдревпрома Казахстана, умудрен жизнью и прекрасно знает, что ждать премии все равно, что на опушке — зайца: то ли будет, то ли нет. Не ждать надо, а добывать. И он пошел к министру.

А министр М. Никифоров переживал ту же карманную опустошенность, тоже был умудрен и поэтому спешно отбыл в Совмин республики.

И вот искомое! Вот монета!

Зампредсовмина И. Зорин пошел навстречу: разрешил министру премироваться и премировать своих заместителей. Из фонда премий за создание и внедрение новой техники.

Хотя уже можно было шумно ликовать, новаторы, однако, ликовали тихо, дабы не вызывать нездоровых толков среди подчиненных. Ведь Минлесбумдревпром не глухой лес.

Но, несмотря на конспирацию, толки о самопремировании уже поползли и взяли за душу еще двоих, фатально забытых министром заместителей.

Забытые заместители В. Ливеров и К. Балтабаев взвинченным дуэтом ввалились к министру. Глаза их сверкали янычарской решимостью. Министр тут же осознал свою оплошность и сел писать приказ о премировании дуэта. За, само собой, создание и, понятно, внедрение новой техники.

Тем временем вокруг новаторских премий разгорелись уже великие страсти. Слухи гуляли по кабинетам и брали за душу прочих руководящих товарищей. Товарищи взбунтовались. Во главе с П. Устиновым, начальником технического управления, стихийно возникла инициативная группа по вышибанию у министра премий.

Группа работала с таежной напористостью и под девизом: «А мы рыжие?!» Под всесокрушающим нажимом управленческих масс министру пришлось еще раз капитулировать и удлинить список новаторов в приказе.

Приказ, как и полагалось, понесли на визу начальнику отдела науки и техники И. Вахрушеву, не забыв, разумеется, включить в список и его. И что учудил тот! Отказался визировать. Наотрез. Мол, давайте отчеты о создании и внедрении. И вообще какое уж наше новаторство! Пилой пилим, топором тюкаем. Я-то, мол, знаю...

Председатель инициативной группы попытался воздействовать на упрямца путем обращения к разуму и житейской логике. Дескать, чудак, деньги-то не из твоего кармана. Не понял! Тогда ему намекнули на наличие среди премируемых фамилий заместителей министра. Все равно не дошло!

Упрямца, конечно, одарили всеобщим презрением. Нет, это ж надо! Даже себя вычеркнул из приказа. От дармовых денег отказался! Ну кто он после этого?

Впрочем, страсти вскоре улеглись, министр подписал приказ и без визы И. Вахрушева. Местом премирования указал кассу проектного конструкторско-технологического бюро по мебели. А в список передовиков-новаторов предусмотрительно включил начальника бюро И. Седышева — для подавления у того нежелательных приступов бдительности.

На другой день к подъезду ПКТБ съезжались сверкающие черные лимузины. Со стороны казалось, что собирается международный симпозиум мебельщиков. Свежеиспеченный новатор — начальник бюро ретиво гнал ротозеев в шею и, приняв полусогнутое положение, провожал высоких гостей к цели.

А у цели гостей караулили товаровед бюро Ю. Власов и снабженец В. Маршев:

— Поздравляем с приобщением к лику новаторов!

— Гастроном за углом, можно сбегать...

Караул тоже был премирован «за активное новаторство» и вскоре пал, упившись, вместе с самим начальником ПКТБ.

А толки о незаконном премировании работников министерского аппарата ползли и ползли. Просочившись на мебельную фирму «Алма-Ата», они взяли за душу генерального директора фирмы Н. Юсупова.

Генеральный директор ощутил душевную слабость и, малость поколебавшись, премировал за новаторство... генерального директора.

— Сам о себе не подумаешь — никто о тебе не подумает! — рассудительно сказал он при этом.

А для упреждения нелестных слухов одарил премиями «за активное содействие техническому прогрессу фирмы» всех, кто так или иначе участвовал в премиальном процессе: секретаря-машинистку (она печатала), главбуха (он подписывал), ну и, конечно же, кассира (выдавал).

К исходу первой недели весь Минлесбумдревпром сверху донизу трепала премиальная лихорадка...

Получался дерзкий и легальный грабеж. Ревизоры начали заикаться от волнения. Для пресечения лихорадки требовалась ну прямо карательная экспедиция.

В министерстве срочно создали специальную комиссию. В ее состав вошли в основном члены бывшей инициативной группы по вышибанию у министра премий. Комиссия предложила начать экспедицию с мебельной фирмы «Алма-Ата». И министр приказал: взыскать с генерального директора незаконно полученные им премиальные.

Что же ответил на это генеральный директор фирмы?

Он соорудил комбинацию из трех пальцев и, обратив ее в сторону Минлесбумдревпрома, сказал:

— Пусть прежде вернут те, кто взял первыми!

Экспедиция потерпела крах...

г. Алма-Ата.

Приезжаю я как-то домой в обеденный перерыв, прохожу в столовую — стол не накрыт, обед не подан.

— Дорогая,— спрашиваю,— а как насчет обеда?

— Тебе нужно — ты и разогрей,— отвечает она. А сама, между прочим, изучает качество маникюра на левом мизинце.

Вначале я хотел вспылить, но потом сдержался. Не из-за кротости характера, нет. В словах супруги содержалась идея, которую я незамедлительно решил применить в своей практической деятельности.

Приезжаю на завод. Вхожу в кабинет. Звонок, вызывает междугородная. Говорит директор из соседнего города:

— Привет, коллега! Почему не грузишь валы?

— Давай токарей — будут валы.

Борис ТИТОВ

— У меня у самого их днем с огнем...

— А думаешь, у меня избыток? Короче, токарей не хватает, а валы нужны тебе. Думай!

На другой день он прислал бригаду токарей.

Система моей жены начала действовать.

При разговоре с другим директором я всплакнул о нержавеющих трубах:

— Я выполню твой заказ, только достань мне нержавеющие трубы — без них ничего сделать не смогу.

Через неделю заводской склад был забит нержавеющими трубами.

Еще у кого-то я выпросил дефицитный станок, который нашему заводу был совершенно не нужен. Этой просьбой я просто хотел окончательно проверить действенность моего метода. Надежность схемы: «Тебе нужно — ты и делай» — оказалась стопроцентной.

Сейчас мы с главным инженером думаем над тем, как усовершенствовать мой метод, оставив в нем главное — только получение заработной платы. Остальные заботы должны взять на себя те, кому нужна наша продукция, то есть потребители. Но это пока перспектива. Наши розовые мечты...

Некоторые, видимо, пожелают узнать: где находится наш завод? Как он называется? Ответа не получит никто. Это, как говорят, секрет фирмы.

А то я рассказал о своем методе директору электростанции, наивно думая: «Он не составит конкуренции в этом деле». Директор похвалил меня и с места в карьер: «Давай людей для разгрузки угля. Электроэнергия нужна тебе, а не мне!»

Просьбу его пришлось выполнить. А куда денешься? Система-то безотказная!

Пародии

Игорь МАРТЬЯНОВ

СОЗДАНЬЕ НЕСЪЕДОБНОЕ

Как полюбить меня ты смог?
За что? Я не орех коносовый,
В моей крови брусничный сон,
И сок ржаной, и сок березовый.

Ольга ФОКИНА.

Как полюбить меня ты смог?
Такая я невкусная:
Я не орех и не пирог,
Не голова капустная.

Я не кишмиш, и не урюк,
И не тому подобное.
Зачем любить тебе, мой друг,
Созданье несъедобное?

Ты не целуй меня в висок,
От ревности не всхлипывай.
Во мне не кровь —
Томатный сок,
А может быть, и липовый!

Александр ИВАНОВ

В ДЕРЕВНЮ! К ТЕТКЕ! В ГЛУШЬ!

Деревня!
Мой советчик и целитель,
Лечи мою печаль, мою хандру!

Прими и утоли мои печали...

Прими с моей обидою слепою,
Уставшего от лжи и ерунды.

Олег ДМИТРИЕВ.

Деревня,
Дом, в котором я родился,
Пойми, я за нутро свое боюсь.
Ведь в городе я так наерундился,
Что сам, наверно, не разъерундюсь.
Мне неуютно в городе и душно,
Еще немного — и наступит шок.
А там — лафа! — приходишь на конюшню
И целый день вдыхаешь запашок.
Довольно горя я на свете мыкал,
Довольно бремя оскорблений нес:
Мне в городе давно никто не «тыкал»,
А тут на «ты» любой бродячий пес!
Вот крест на пузе, счастья я не видел.
Пишу стихи, как козам корм ложу.
Меня проклятый город так обидел!
Вот только чем — ума не приложу.

— Повесишь табель — пропущу!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

ВИЛЫ В БОК!

Бумеранг

Звонит ко мне в квартиру почтальон и вручает письмо. Разрываю конверт с незнакомым почерком и обнаруживаю листок с почерком знакомым мне удивительно хорошо — моим собственным. Узнаю в послании мою письменную просьбу, третью по счету. Адресована она в Запорожье, отделу посылочной торговли запасными частями к автомашине «Запорожец». Содержание простое: прошу выслать некоторые детали или на худой конец хотя бы прейскурант.

Я бы вовсе ничего не понял, если бы внимательный человек — спасибо ему! — не приложил бы к почтовому бумерангу такое пояснение:

«Это ваше заявление я нашел у нас в Запорожье на тротуаре улицы Сталеваров, напротив дома № 19. Странное место избрали работники посылочной торговли для хранения поступающей к ним корреспонденции. Во всяком случае, в отличие от них счел своим долгом, возвращая письмо, черкнуть вам несколько строк».

Таким образом, дорогой Крокодил, как видишь, если я буду и впредь иметь наивность обращаться к Запорожскому посылторгу, то передо мной откроется заманчивая перспектива завязать оживленную переписку как с добросердечными прохожими, так и с самим собой.

Б. СОРОКИН

г. Москва.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

ДЖЕНТЛЬМЕНСКИЙ НАБОР

Очевидно, читатель,
С незапамятных пор
Вам знакомо понятье
«Джентльменский набор».
В каждый век он особый.
В наши дни, например,
Это пленки с Высоцким,
Это бар и торшер,
Тростниковые шторы,
Потолок расписной,
И стеллаж, на котором
Мопассан подписной.
Ну, а если наследник
В доме есть ко всему,
То вопрос не последний,
Где учиться ему.
Это слишком банально,
Так сказать, моветон,
Если в школе нормальной
Обучается он.
Только в школу
с уклоном —
Безразлично, с каким! —
Чтоб в беседе салонной
Хвастать чадом своим:
«Взяли в помощь мы Коле
Педагогов двоих;
Ведь квадратные корни
В третьем классе у них!
Все мальчишки играли
В Фантомаса вчера,
А сынок интегралы
Вычислял до утра!»
А ведь этому Коле
Словно нож интеграл:
Он в нормальной-то школе
С неба звезд не хватал.
Пусть играл бы
в футбол он
Да катался бы с гор,
Но ведь был бы неполон
«Джентльменский набор»!
Мы за школы с уклоном.
Пусть выходят из них
Сотни новых Ньютонов,
Лобачевских, Толстых.
Нет, сегодня волнует
Нас не этот уклон,
И на тему иную
Сочинен фельетон.
Пусть он будет укором
Для папаш и мамаш,
Сыновья у которых
Стали частью «набора»,
Как торшер и стеллаж!

г. Ленинград.

ФОТО ПРАКТИКУМ КРОКОДИЛА

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Фото для документа

(до ретуши) (после ретуши)

Воспитание внука
(засвечено)

Старшеклассница
(цветное фото)

Портрет зава
(малая выдержка)

Заявление «доброжелателя»
(передержка)

Фото скрытой камерой
(смазано)

Через лужу к знаниям

Радость и веселье царят весной и осенью вокруг нового здания средней школы № 1 в г. Кольчугино, Владимирсной области. Слышится беззаботный смех мальчишек, визг девчонок.

И это понятно: вот уже два года, как посещение школы превратилось для детворы города Кольчугино в веселый цирк. А вместо клоунов используются родители. Это они на собственных спинах перетаскивают детей через разлившуюся перед входом густую лужу.

Особенно нравится детям кататься на дяде Мише из 1-го «В». Это очень спокойный, смирный папа. Он может перевозить до четырех детей одновременно, держа пятого зубами за штаны.

— Спасибо дяденьке председателю горисполкома Белянину,— говорят первоклассники.— Никогда не было у нас столько развлечений, даже жалко, что наступает зима.

У. М.

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Дубляж и вояж

Реплика Министерству путей сообщения

В наш сложный век
в большом ходу дублеры.
Где только не встречаются они!
Дублеры — космонавты и актеры,
на стадионах и в кино — дублеры.
Завод-дублер не редкость в наши дни.
Дублерам — широчайшие просторы.
Им все пути открыты неспроста...
Но, боже мой,
кому нужны дублеры
на проданные спальные места?!

г. Киев.

Требуется медвежатник...

...в город Измаил, Одесской области, где на территории базы горпромторга вот уже полгода ржавеют под открытым небом семь несгораемых шкафов. Стоят не потому, что на них нет спроса. Горпищеторг, например, готов приобрести хоть всю партию, но с условием: сейфы должны открываться и закрываться. Условие, однако, невыполнимо, ибо сейфы наглухо закрыты, а ключи отсутствуют. Так их отправил Хмельницкий завод металлических изделий... Три письма послала дирекция горпромторга в адрес завода-изготовителя, но оттуда ни ответа, ни ключей.

Пытались было вскрыть сейфы собственными силами, для чего, говорят, приглашали местных специалистов. К чести заводской марки, продукция выдержала это испытание с высокой оценкой: ни одна дверца не распахнулась!

Б. УСТИМЕНКО, сотрудник газеты «Советский Измаил»

Владислав КНЯЗЕВ,
Владимир ШИКУНОВ

Как я стал принципиальным

Рассказ

Случилось это так.

На моем столе зазвонил телефон.

— Слушаю,— подняв трубку, сказал я басом.

— Товарищ Горбунов? — спросил голос нашего начальника.

— Да, Горбунов,— сказал я баритоном.

— Как освободитесь, зайдите, пожалуйста, ко мне,— распорядился голос нашего начальника.

— Слушаюсь,— сказал я тенором.

Повесил трубку и наморщил лоб. И сразу же в голову пришли мысли.

Если бы начальник вызывал меня к себе по случаю выполнения квартального плана, это было бы приятно. Но так как до конца квартала было еще далековато, то ничего приятного я не предвидел. Такой вызов настораживал. Я пошел в соседнюю комнату — разрешить свои сомнения.

В соседней комнате сидели Коля и Вася.

— Ну-у...— простонал, выслушав меня, Коля, сочувственно покачал головой и взял у меня сигарету.

— Ай-ай-ай...— запричитал Вася и тоже взял у меня сигарету.

— Я предполагаю вот что...— сказал Коля и посмотрел на Васю.

— Я предполагаю то же самое,— вздохнул Вася.

— Будет выговор,— чуть не плача, вымолвил Коля.

— С разносом,— всхлипнул Вася.

Оба прикрыли лица ладонями. По-моему, они плакали. Когда я уходил, Коля и Вася с трудом справились с нахлынувшими на них чувствами и взяли у меня еще по сигарете — про запас.

Теперь я точно знал, зачем меня в самый обычный рабочий день вызывает начальник. Тогда я пошел в соседнюю с соседней комнату — посоветоваться.

В соседней с соседней комнате сидел Подобулин, умевший ладить со всеми и находившийся на хорошем счету у начальства.

— Начальник собирается объявить мне выговор,— поделился я своей заботой.— Как быть?

— Если выговор намечается за грубость, здесь надо действовать тонко,— глубокомысленно начал Подобулин.— Надо извиниться за грубость и пообещать, что больше не будешь.

Я сказал, что не грубил.

— А жаль,— посетовал Подобулин.— Грубость — это хорошо.

Чуткий Подобулин так огорчился за меня, что предложил контрамарку на открытие сезона в зверинце.

— А может, выговор намечается за недобросовестность? — спросил он затем с надеждой.

Я возразил, что в недобросовестности меня не упрекнешь.

— Жаль, очень жаль,— совсем расстроился Подобулин.— Недобросовестность — это тоже неплохо.

Не успел я и глазом моргнуть, как человек, который умел со всеми ладить, предложил мне рубль, пояснил, что это взаймы и можно не торопиться с отдачей, и лишь потом продолжил разговор:

— Так за что же выговор?

— Не знаю,— пожал я плечами.

— Значит, ни за что,— немедленно сообразил Подобулин.— А жаль. Это плохо, когда намечается выговор ни за что. Тут и извиняться не за что, и раскаяться не в чем, и даже соврать трудно. А если и совершь, то обязательно невпопад. А если врешь невпопад, правду не найдешь,— убежденно изрек находившийся на хорошем счету у начальства человек и, проявляя чуткость, предложил сходить выпить по паре-другой пива.

— Для оптимизма,— пояснил он.

Теперь я точно знал: начальник вызывает меня, чтобы ни за что ни про что объявить выговор и что общего языка с начальником не найти. Тогда я пошел в местком — заручиться поддержкой.

Председатель месткома сидел за столом и думал. По его лицу было видно, что думает он о членах профсоюза.

— Меня вызывает начальник,— объявил я.

— Да, да, я уже думал об этом,— с готовностью откликнулся председатель месткома. Уловив мое удивление, он проникновенно добавил:

— Даю вам честное слово.

— Профсоюз призван защищать права своих членов в их конфликте с администрацией,— сообщил я.

— Об этом я думаю постоянно и систематически,— с важностью отозвался председатель месткома и без колебаний добавил:— Клянусь вам честью.

— Что вы думаете конкретно по моему вопросу? — взял я быка за рога.

— Я думаю...— веско сказал председатель месткома,— я думаю, что защищать права — это хорошо, а жить в мире с администрацией лучше. Даю вам голову на отсечение.

Я вернулся в свою комнату, взял счеты и подвел итоги.

Начальник вызвал меня, чтобы объявить ни за что ни про что выговор — это раз. Я отбросил одну костяшку на счетах. Справедливости мне не найти. Щелкнула другая костяшка. Местком меня не поддержит — подвела итог третья костяшка.

Я наморщил лоб, и сразу же пришли мысли.

А что, если мне проявить принципиальность? Когда начальник вызывает в конце квартала насчет перевыполнения плана, принципиальным быть не требуется. Но раз он собрался ни за что ни про что объявить выговор, то надо взять и проявить принципиальность.

Это будет так.

Войду в его кабинет и хлопну дверью. Раз! Одна костяшка с грохотом вернулась на место.

Потом я назову начальника на «ты». Щелкнула другая костяшка.

И, наконец, я скажу ему: «Сегодня ты начальник, а завтра мы еще посмотрим...» Я властно положил руку на счеты, и третья костяшка, задребезжав, подтвердила, что всяко может быть.

Я пошел в соседнюю комнату.

— Знаете, что я сейчас сделаю? — сказал я.— Войду в кабинет начальника и хлопну дверью.

— Ой! — вскрикнули Коля и Вася и взяли у меня по сигарете.

— Пропал теперь наш начальник,— вздохнул Коля и посмотрел на Васю.

— Допрыгался,— сурово подтвердил Вася.

Я отправился в соседнюю с соседней комнату.

— Пропал наш начальник,— сообщил я Подобулину.— Допрыгался.

— А жаль,— огорчился человек, находившийся на хорошем счету у начальства.— Я ему контрамарку в зверинец преподнес.

— Сейчас я войду к нему в кабинет,— продолжал я с подъемом,— хлопну дверью и назову его на «ты».

— Грубость,— сразу догадался Подобулин.— Грубость — это хорошо.

Умевший ладить со всеми, Подобулин немедленно предложил сходить выпить по паре-другой пива.

— Для храбрости,— пояснил он.

Но мне и без этого храбрости было не занимать. В местком я заскочил уже не просителем.

— Сегодня он начальник, а завтра мы еще посмотрим! — предупредил я.

— Да, да, я уже думал об этом,— с готовностью откликнулся председатель месткома.— Скажу больше: если начальником будете вы, я никогда не стану вступать с вами в конфликт. Честное слово! Даю голову на отсечение! Клянусь честью!

Пылающий, решительный, неумолимый, вернулся я к себе в комнату. В это время на столе зазвонил телефон.

— Слушаю,— подняв трубку, сказал я басом.

— Товарищ Горбунов? — спросил голос нашего начальника.

— Да, Горбунов,— сказал я баритоном.

— Что-то вы долго собираетесь. Впрочем, надобность в нашем разговоре отпала. Продолжайте заниматься текущими делами,— распорядился голос начальника.

— Слушаюсь,— сказал я тенором.

Выговор мне начальник не объявил. Именно поэтому я прослыл в нашем учреждении человеком до конца принципиальным.

г. Куйбышев.

ВИЛЫ В БОК!

ПЕТРОВСКИЙ МОНУМЕНТ

Однажды в студеную зимнюю пору жители села Петровка, Кривошеинского района, Томской области, выйдя, как всегда на работу, обнаружили посреди села днковинную могучую машину: не то автокран, не то автобур, не то грейдер.

— Хорош стальной конь! — сиазал дядя Вася дяде Косте.— Небось, стóит будь здоров сколько. А водитель-то где?

— Где ему быть? Наверняка пивка пошел выпить.

В течение последующего года водитель так и не появился, так что версия с пивом отпала сама собой.

К концу второго года жители Петровки, воспитанные в уважении к государственной собственности, стали нервничать:

— И чего она стоит? Чья она? Вещь дорогая, поди.

А дорогая вещь дешевела на глазах, по мере того, как неизвестные любители техники снимали с нее одну деталь за другой.

Наступил третий год пребывания технического призрака в селе Петровке. Многие к нему уже привыкли и не представляют себе петровского пейзажа без этой достопримечательности.

Пройдут годы, и внуки сегодняшних пионеров будут рассказывать туристам и уполномоченным: «А эта машина появилась неизвестно откуда, когда Петровка была еще селом...»

А. Ш.

Круговерть

— Бери с собой автомеханика Мурзина,— сказали мне в правлении колхоза,— и дуйте вдвоем до Горловки.

Вроде бы здорово придумано. Машина, на которой я работаю, поизносилась, а в колхозе запчастей нет, вот и решили ее на Горловском авторемонтном заводе отремонтировать.

И мы с Мурзиным сели и поехали в Горловку. Едва добрались, потому что машина едва дышит.

Помыли мы машину,— нате, ремонтируйте. Подошел приемщик.

— Так дело не делается,— сказал приемщик.— У вас тут дверцы нестандартные, щитка картера нет и многого чего еще недостает. Доукомплектуйте!

Мы взмолились было: где же это взять? Но приемщик нас успокоил: жизнь, говорит, покажет.

Жизнь нам через пять минут уже это показала. Авторемонтники начали подходить и спрашивать, что нам надо. Все обещали раздобыть.

И правда. Три дня нашу машину

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

РЫБА МЯСО

— А ты всё мышками кормишься?

21 ноября нынешнего года исполнилось 275 лет со дня рождения Вольтера — выдающегося французского писателя, философа-просветителя.

Однажды племянница Вольтера, г-жа Дени, сказала ему:

— Что-то будет говорить о вас потомство?

— Что я был не последний глупец.

— Как? Вы думаете, что нечего больше сказать о человеке, который оставляет после себя сорок томов сочинений?

— Ах, мой друг,— отвечал Вольтер,— разве с такой тяжелой ношей дойдешь до потомства?

* * *

Вольтер говорил о музах:

— Я люблю их всех девятерых: надо искать счастья у возможно большего числа дам.

* * *

Вольтер был приглашен ко двору прусского короля Фридриха II. Хотя король называл его своим другом, Вольтер чувствовал себя довольно стесненно. «Я составлю себе в назидание маленький словарь для перевода с языка королей,— писал он.— «Мой друг» означает «мой раб».

* * *

За 13 лет до смерти Вольтер велел сделать для себя гробницу, сказав при этом:

— Теперь наконец-то меня не будут упрекать в беспечности.

* * *

Желая добиться сильного и быстрого воздействия на общество с целью «перевернуть мир», Вольтер стал выпускать под разными псевдонимами полемические и сатирические брошюры.

— Никогда,— говорил Вольтер,— двадцать томов не сделают революции: бояться надо маленьких карманных книжек в 30 су. Если б евангелие стоило 1 200 сестерций, христианская религия никогда бы не установилась.

* * *

Вольтер стремился отделаться от назойливых посетителей.

— Скажите ему,— велел он передать одному англичанину,— что я умер.

Слуга вернулся с известием, что посетитель не хочет уйти, не поклонившись его телу.

— Тогда передайте ему, что мое тело тотчас же после смерти унес дьявол.

доукомплектовывали. А мы разменяли колхозные деньги на трещинцы, чтоб легче рассчитываться.

В воскресенье на рынок сходили. Много всяких запчастей для колхозной техники там продается. На заводе нет, а здесь пожалуйста.

А в день исполнения заказа пришли на завод — на машину взглянуть. Видим: лобового стекла нет, ручек на дверцах нет, стеклоочистителей нет... То-то, думаю, мне на базаре дверные ручки знакомыми показались!

Но нас опять успокоили. Везите, говорят, свой самоход до цеха, там наши ребята вмиг все устроят.

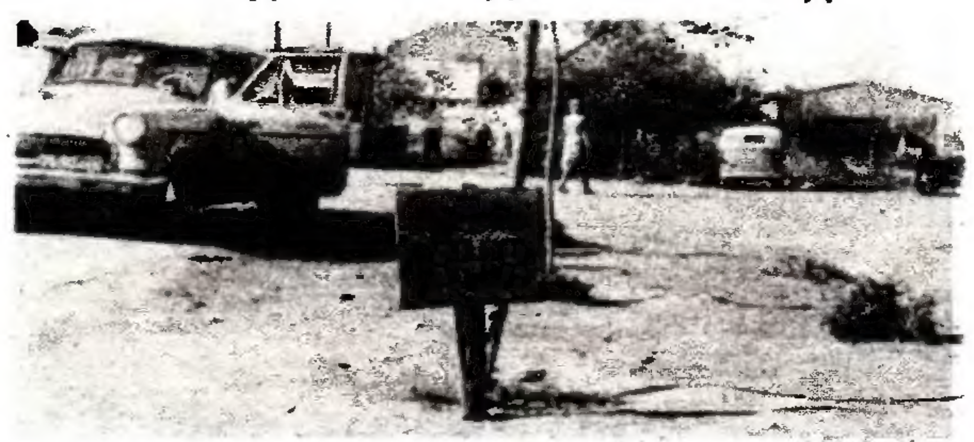
И опять все верно. Трояки-то у нас тогда еще не кончились...

12 дней нас ремонтировали, а доехать своим ходом до дома так и не довелось: отвалились амортизаторы, ослабло крепление двигателя, и оторвался поршень двигателя. Правда, один только.

Так что могло быть и хуже.

И. БАРАКОВСКИЙ,
колхоз «Россия», Корочанский район, Белгородской области.

НЕВИДИМЫЙ ИДЕТ ПО ГОРОДУ

В одной научно-исследовательской лаборатории города Астрахани получен препарат, делающий невидимыми различные осязаемые предметы. На днях ученые продемонстрировали прохожим удивительный по психологическому воздействию опыт с газоном-невидимкой.

Как ни пытались дотошные астраханцы найти газон, последний исчез на длительное время, ибо другой препарат, возвращающий невидимые предметы в первоначальное состояние, пока что не получен.

Опыты продолжаются.

И. АЛЕКСЮК

Эх, лучина-кручина!

Человечество не сразу сделало прыжок от лучины к современной электролампе. По дороге были и керосиновые лампы, и газовые рожки, и разные другие приборы.

А вот жителям Тарко-Сале — центра Пуровского района (Ямало-Ненецкий национальный округ, Тюменской области) — угрожает прыжок в обратном направлении — к лучине.

В поселке три электростанции. Одна из них явно не Красноярская ГЭС, другая, безусловно, не Братская, третья наверняка не Днепрогэс. Но Тарко-Сале поменьше Москвы или Ленинграда. Казалось бы, электротрио могло все-таки обеспечить поселок. Однако не обеспечивает. Электролампочки в большинстве жилых домов давно уже не светят.

А полярная ночь не находится в глухой обороне. Она все наступает и наступает. Жители пытаются оборониться: бегают по магазинам и лавкам. Ищут керосиновые лампы и керосин. Ищут и не находят. Нет в продаже. Лучины заготовлять, что ли?

Б. РОМКИН

Святослав СПАССКИЙ, Николай ШТАНЬКО, специальные корреспонденты Крокодила

ОБЫКНОВЕННАЯ ГОБИ

Мы решили начать наш рассказ иначе. Не как другие. Другие обычно вначале ахают и удивляются. Вот, мол, только что мы там были, а теперь где? На другом краю света.

Мы ахать не будем. Начнем просто.

Еще вчера была хлопотливая, шумная Москва с ее дородными мороженщицами, лихими таксистами, деловитыми дворничихами и подтянутыми милиционерами цвета маренго, а сегодня — центр Азии, центр Монголии, центр великой пустыни Гоби... До чего ж это все-таки удивительно!

И уже миловидная узкоглазая стюардесса преподносит нам посадочные леденцы с упрямым названием «Взлетные».

Какая она, Гоби? Судорожно вспоминаем: что мы о ней учили в школе? Да что там, все ясно: пустыня есть пустыня. Барханы, самумы, миражи, верблюжий череп у караванной тропы...

Солнечной улыбкой встречает нас столица Южно-Гобийского аймака городок Далан-Дзадагад.

Ох, эти монгольские названия! Запомнить их с ходу невозможно. Редактор сатирического журнала «Тоншуул» Пунцаг, наш радушный хозяин, гид и переводчик, терпеливо диктует нам по буквам:

— Йолдын-Хад, — говорит он. — Пишите: и краткое, осень, люди, дружба, ы... Нет, не и, а ы. Ну, ы — шестьдесят один... Понимаете?

Мы прозреваем. Буква «ы» действительно выглядит, как 61. А сколько времени мы потратили, силясь запомнить имена наших новых знакомых! Эрдэнэсана, Жамъяндондонг, Хухэнга... Но и монгольские друзья не меньше мучаются с нашими именами и особенно с отчествами.

И вот мы мчимся на «газике» в сомон Баяндалай. На обочине... Гм! Ничего нет на обочине. Честно говоря, и обочин никаких нет. Назло путевым очеркистам.

Можно ехать еле заметной дорогой, можно рядом с ней, можно поперек. Вообще как хочешь и куда хочешь! Полная свобода передвижения, мечта начинающих водителей. Горизонт со всех сторон облегли зубчатые хребты. А между ними идеально гладкая поверхность, обтянутая зеленой замшей.

И — увы! — ни барханов, ни самумов, ни обглоданных черепов при дороге. Нам объясняют: пески кое-где встречаются, но в основном Гоби — вот такая равнина, покрытая низкорослой травой и черноухими овцами. Воды мало, поэтому дождь, как хорошая песня, всегда в почете.

Баяндалай — центр сомона (нечто вроде района на наш масштаб) и по совместительству — центр кооперативного сельскохозяйственного объединения. Полтора десятка светлых, аккуратных домиков: школа, клуб, гостиница, баня, амбулатория, электростанция. Вокруг несколько десятков белых-белых юрт. Словно облака присели на землю отдохнуть. Ослики и мотоциклисты, взаимно недовольные друг другом. Любопытные, как везде, ребятишки.

1970
АПРЕЛЬ
22
СРЕДА
1870 — Родился Владимир Ильич ЛЕНИН

Нас встречает Дорж, заместитель председателя сомона. Он явно озабочен: чем развлечь гостей, чем заинтересовать? Ведь для него все тут так просто, обыденно... А мы, приехав в новый для нас мир, забрасываем Доржа вопросами, бестактно перебивая друг друга. Как работаете? Сколько голов скота? Где живут чабаны? Покажите каракулевых овец! Почему мало верблюдов? Какие фильмы смотрите? А где берете дрова? Беспокоят ли скорпионы? А как премируете передовиков? Зимой здесь что, снег?

Дорж теряется, призывает на помощь секретаря партнорганизации Хубатора. Теперь нас двое на двое, силы уравниваются. И только бедняга Пунцаг, переводя вопросы и ответы, не успевает переводить дух: ему приходится работать за четверых.

Время обеда. Приносят щи из свежей капусты, на второе — мясо с картофелем. С удовольствием пьем кисловатый прохладный кумыс.

— Вот, пожалуйста,— говорит Дорж.— Овощи, хлеб — все это наше. Пшеницу Монголия даже экспортирует. Веками ламы вдалбливали аратам в головы, что беспокоить, обрабатывать землю — величайший грех! У монгольских сапог потому носы круто загнуты вверх, чтобы, упаси боже, не ковырнуть ненароком землю. А сейчас на севере Монголии вы увидите такие поля, как, наверно, у вас на Кубани. Мы в Южном Гоби и то не отстаем от жизни. Даже картофелем сами себя обеспечиваем.

Веками считалось, что арату грамота ни к чему. Лама за него и прочтет и напишет, что надо. Сейчас у нас нет ни одного неграмотного. Загляните в любую юрту — по две-три газеты выписывают. Веками арат жил в нищете. Посмотрите, как он живет сейчас. И своего скота вдоволь, и заработок на уровне ваших крепких колхозов. Ну и работают люди неплохо. У нас больше двухсот человек награждены орденами и медалями. Вот Тувдэн-Лувсан установил государственный рекорд по каракулю, премирован мотоциклом. Вы вообще заметили, сколько у нас мотоциклов?

— Да,— говорим,— вы, видно, скоро коней на пенсию отошлете.

— Ну, что вы, коневодство мы развиваем,— вмешивается в разговор Хубатор.— Всего в сомоне семьдесят тысяч голов скота на четыреста животноводов. И крупный рогатый, и мелкий рогатый, лошади, верблюды. Верблюдов не так много, вот в соседнем аймаке их полно. Там и барханы есть. Туда всех туристов возят, им это интересно. А наши кони — вы еще их увидите. Жаль, вы поздно приехали. Позавчера мы праздновали тридцатилетие нашего объединения. И по этому случаю, конечно, были скачки.

Мы тут же не упускаем случая козырнуть своей начитанностью:

— Постойте, какое тридцатилетие? Ведь кооперирование у вас началось десять лет назад.

— Правильно. Но мы начинали самые первые. В порядке опыта. Опыт, как видите, удался. Теперь главное — темпы!

Привычно обронил это слово секретарь. А нам словно дохнул в лицо беспокойный ветер наших первых пятилеток, когда из конца в конец страны раскатывалось громовое: «Даешь темпы!»

Гоби есть Гоби. Некуда было спешить кочевнику. Время его текло, как песок с бархана — немереное и неценимое. Это здесь когда-то родилась поговорка: «Поспешишь — замерзнешь».

Короткое, звонкое, как удар в гонг, слово «темпы» возвестило начало больших перемен в жизни людей, живущих в Гоби.

А нас уже ведут в музей, который создала молодежь сомона к столетию со дня рождения В. И. Ленина. Музей в пустыне, в семистах километрах от столицы...

Три больших комнаты. В двух представлена природа местного края, его прошлое, настоящее и даже немного будущего. Академически распластаны под стеклом листы гербария (увы, надписи только по-монгольски и по-латыни). Таинственно искрятся в витринах полезные ископаемые — целая сокровищница! Кичась, демонстрируют свои исполинские рога архары и туры. В исторических шкафах на вечные времена залегли регалии бывших князей, священные причиндалы лам и шапки недоброй памяти маньчжурских сатрапов. Кисло улыбаются боги и божки, получившие отставку. Над рельефной картой сомона — фотографии, изделия местных умельцев, показатели, планы объединения. Его продукция.

Третья комната посвящена Ленину. Здесь свое настроение. Чувствуется особая любовь, с которой собирались книги и брошюры Ильича, открытки, репродукции с картин. У входа два небольших бронзовых бюста: Ленин и Сухэ-Батор.

Вот где им довелось встретиться еще раз! Мы пытаемся перенестись в тот хмурый ноябрьский день далекого 1921 года, когда молодой пламенный вождь монгольской революции беседовал в Кремле с Лениным. И спрашивал совета, как его стране жить дальше.

«...единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны,— сказал тогда В. И. Ленин,— является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России». И поясняя эту мысль, он говорил о некапиталистическом пути развития Монголии, о кооперировании, о новых формах хозяйствования и развития национальной культуры.

За распахнутыми дверьми музея шумит жизнь обыкновенного сомона, затерянного в сердце великой Гоби. Перешагни порог, и ты увидишь, как монгольский народ воспользовался советами Ленина.

...Чтобы не испугать лошадей, шофер ведет машину нежно, как старенькую маму. Рядом с табуном — две юрты. Тохтох, табунщик, приглашает нас в юрту. На низком столике традиционное угощение — чай, кумыс, большая ваза с лакомствами.

Под началом Тохтоха 225 лошадей. Он улыбается:

— По плану я должен вырастить двадцать девять жеребят. А у меня — тридцать два!

Тут же состоялось небольшое состязание по джигитовке и вольтижировке. Первыми выступаем мы. Взбираемся на лошадей и, подстраховываемые двумя коноводами, объезжаем вокруг юрты. Успешно, хоть и не вполне самостоятельно, сползаем с высоких монгольских седел.

— А теперь они поймают коня, и Сандуйжав немного на нем поедет,— объявляет Пунцаг следующий номер программы.

Табунщики вбегают в середину взметнувшегося косяка и ловко набрасывают лассо на серого жеребца. Он упрямится, рвется на свободу, два человека повисают на нем, хватают его за уши.

— Он дикий,— объясняет Пунцаг,— его надо крепко брать за уши, а то вырвется.

Сандуйжав быстро седлает беснующегося коня и прыгает на него. Помощники отскакивают, и конек превращается в черта. Он подымается на дыбы, потом делает стойку, бьется, испепеляет копытами землю. Но, как дипломат на приеме, спокойно и бесстрастно высится на нем всадник.

Отплясав большой круг по равнине, уставший конь возвращается. Сандуйжав неторопливо спешивается. Преисполненные завистливого уважения, мы охотно уступаем ему первое место в состязании.

...Снова юрта. На этот раз нас принимает известный чабан Жамцдорж. Пожилой, в красном национальном халате и мягкой шляпе, он приветствует далеких гостей, протягивая пиалу с кумысом. Потом достает из шкафчика под радиоприемником голубую школьную тетрадку.

— Ленин,— говорит он.

В тетради ведется запись обязательств, взятых им в честь юбилея Ильича. Ну и как же они выполняются? Жамцдорж скромно ведет пальцем по аккуратным цифиркам: читайте, мол, сами. По выращиванию молодняка (а это главное: он «директор» маточной отары) уже сто процентов. По шерсти — сто и семь десятых... Заготовляется сено на зиму. Скоро и тут будет перевыполнение.

Мы желаем успехов и здоровья этому симпатичному арату, депутату аймачного совета. Получается длинно и витиевато. А он в ответ дает нам урок своего немногословного красноречия. Как-то очень просто он произносит:

— Моя юрта — ваша юрта.

Этим сказано все.

Оказывается, Гоби не только пустыня. И не только степь. Сейчас мы лезем по дну невообразимо тесного ущелья, прыгая по камням вместе с горным потоком. Отрицательными углами нависают над нами высоченные розовые скалы, приоткрывая до тоски узенькую полоску неба. Хочется срочно стать язычником, буддистом, брамином, кем угодно, только побыстрее,— так требуют поклонения недвижно хмурящиеся утесы.

Но вот мы выбираемся на солнечную поляну, к туристской базе, где нас ожидает «газик», и весь наш, так сказать, религиозный экстаз исчезает начисто.

Это тот самый Йолдын-Хад — «Ущелье Кондора», отрог Монгольского Алтая, о котором нам говорил Пунцаг. Это тоже Гоби, высота порядка 1 800 метров над уровнем моря. Правда, проверить эту цифру точно мы не смогли: под рукой не оказалось моря.

Мы допытываемся: как же, ведь кондоры живут в Америке?

— У нас тоже,— уверяют спутники.— У нас все есть.

И правда, в Монголии водятся любые животные — от динозавра до северного оленя. Впрочем, в последнее время живых динозавров вроде бы уже не встречали, зато находили их отлично сохранившиеся скелеты. А дикий верблюд? Вы слыхали о таком? По нашим понятиям, это такая же несуразность, как домашний носорог, а тут, в Гоби, эти верблюды бегают запросто. Не говоря уже о диких ослах или дикой лошади, присвоившей себе фамилию Пржевальского. Здесь растут всяческие удивительные растения, от капусты до эдельвейса, а недра набиты решительно всеми минералами, какие только известны на земле. В Улан-Баторе мы повстречали трех советских энтомологов, скакавших от радости, как монгольские кузнечики: они открыли в Гоби несколько новых видов насекомых.

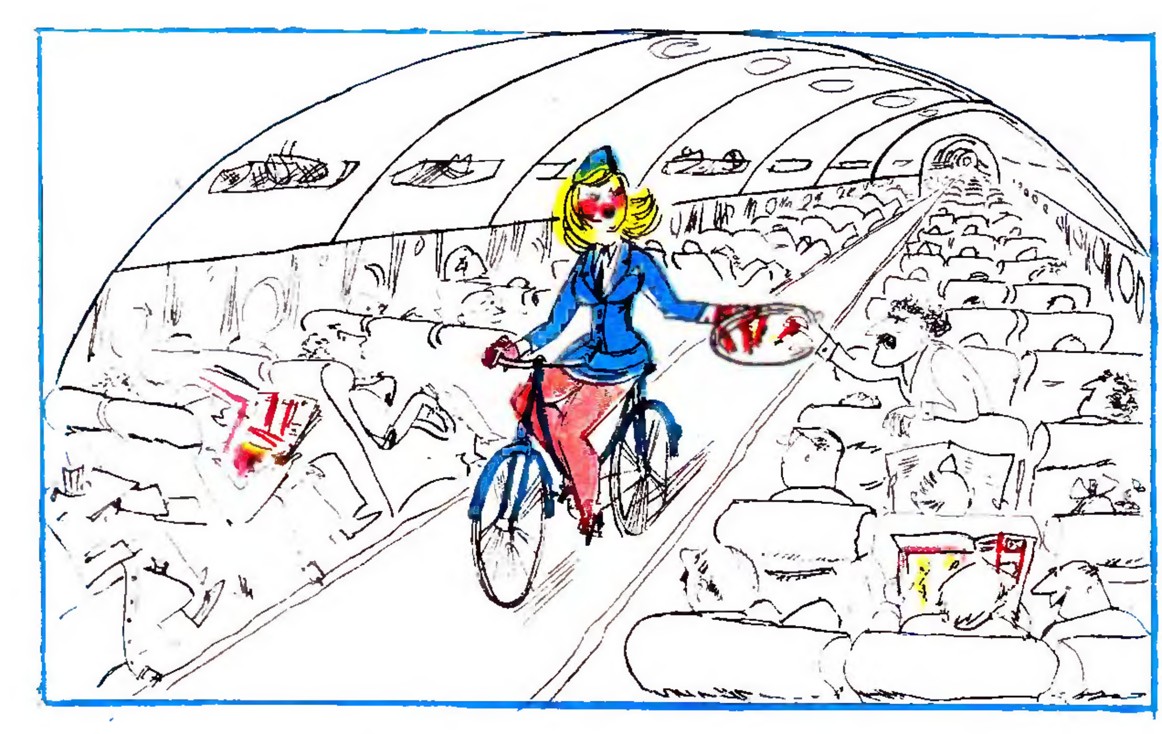
Или последняя сенсация — реликтовый гобийский медведь мазалай. До сих пор не удавалось поймать хитрого зверюгу живьем, и ученые тяжко это переживали. А накануне нашего приезда был пойман пятимесячный медвежонок. И вот он перед нами — этот косолапый комочек древнего мира. Мы долго рассматривали его, стараясь найти что-то особенное, но так ничего и не углядели. Очевидно, реликтовым он оставался изнутри, а снаружи был просто пушистым и веселым, как тысячи его сибирских потомков.

— Оставайтесь,— говорили нам,— еще не такое увидите! Хотите двухметрового тайменя? Хотите в область вечной мерзлоты? Или охоту на архара?

Хотим, очень хотим, но не можем. Наше время, выражаясь междугородным телефонным эсперанто, истекло.

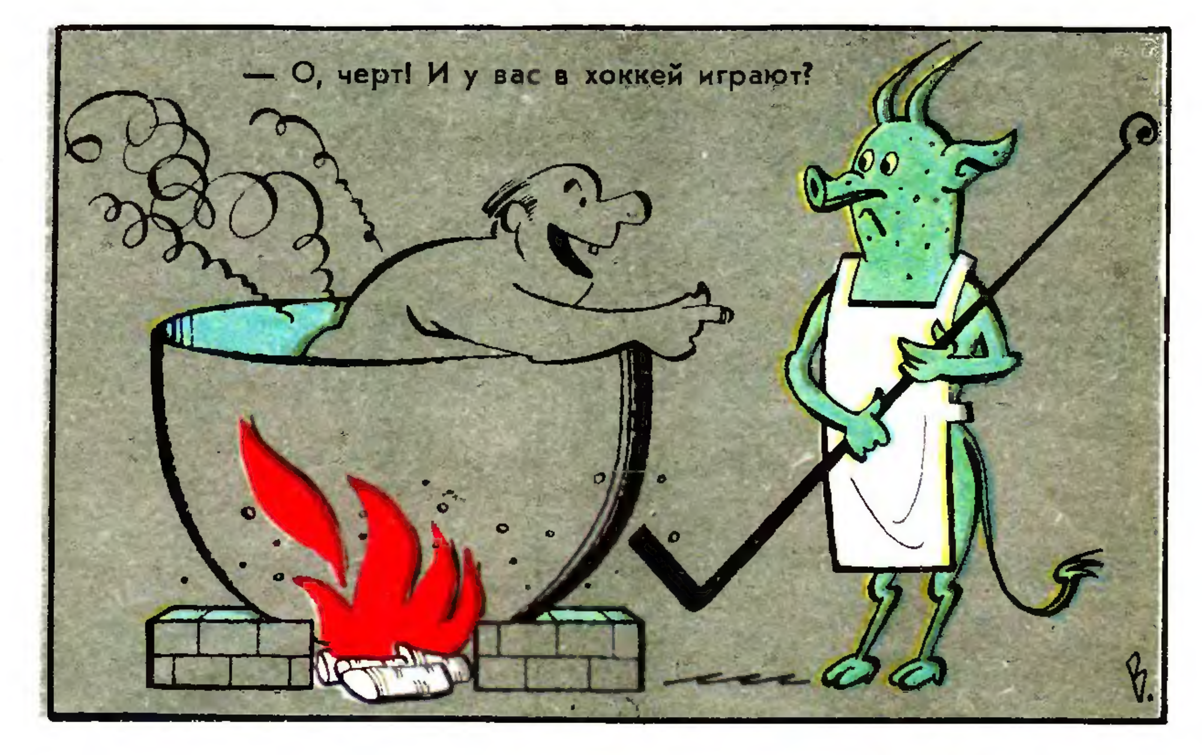
Баирла! Спасибо, Монголия!

Далан-Дзадагад — Улан-Батор — Москва.

— Идем на посадку. Прошу пристегнуть ремни.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— О, черт! И у вас в хоккей играют?

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

— Доктор, я уже здоров.

Перестраховщик.

Рисунок П. ГЕЙВАНДОВА

Марк ВИЛЕНСКИЙ

СЛОВА В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Известные нам со школьных лет гоголевские дамы отличались, как вы помните, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: я высморкалась, я вспотела, я плюнула,— а говорили: я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка и т. д. Сами того не ведая, дамы применяли в своей речи эвфемизмы.

Эвфемизмы — приятные бархатные чехольчики, натягиваемые на неприятные понятия. «Умение говорить о вещах, словно их не существует» — так американский журнал «Тайм» озаглавил статью-исследование на тему об эвфемизмах в американской современной речи.

Презанятные вещи сообщает «Тайм»...

С одной стороны, американцы не в пример гоголевским жеманницам позволяют себе сногсшибательную смелость и откровенность в выражениях. Но только на сексуальные темы. Тут теперь полная вольготность: то, что раньше чертили на заборах отдельные забубенные юные джентльмены, ныне дозволено вворачивать хочешь в книги, хочешь в киноленты, а желаешь — и в телепередачи. «Домохозяйки по телевидению могут болтать о своей половой жизни, запуская выражения, которые еще десять лет назад заставили бы покраснеть гинекологов»,— сообщает «Тайм».

Остается только от души поздравить по этому поводу американскую демократию — хоть в одной области она добилась подлинной и бесспорной свободы слова. Ура!

Увы, со всех других сторон наблюдается густая пелена эвфемизмов. Главные мастера туманных иносказаний сидят в Вашингтоне, что и засвидетельствовано «Таймом»: «Никто не сравнится по части эвфемизмов с правительственными чиновниками». И верно.

Один вашингтонский экономист изобрел, например, фразу «негативный накопитель» — о людях, которые тратят больше, чем зарабатывают, и влезают в долги. Как же будет на языке этого чиновника «голодающий»? Не иначе как «негативный обжора».

Бедных нет, по крайней мере в казенном лексиконе. Есть «непривилегированные».

Чернокожие жители вонючих трущоб? Что вы, да где вы такое слыхали? Загляните в правительственные доклады: там встречаются, и то редко, лишь кое-какие упоминания о «небелых, проживающих в субстандартных жилищах».

Акции на бирже не падают, упаси бог! Они лишь подвергаются процессу «некоторого облегчения» (совсем как нос у гоголевской дамы!) или «технической коррекции». Правда, как бестактно заметил один американский журналист, «когда акции идут вверх, почему-то о технической коррекции не говорят».

Согласитесь, что для упрятывания неприглядных истин в чарующие слух и глаз словесные чехлы требуются немалые способности. Не всякому дано такое искусство. Неграмотный землекоп, скажем, для этой тонкой интеллектуальной работенки не подойдет. «Человек, который может назвать лопату только лопатой, лишь на то и годен, чтобы ею орудовать» (аплодисменты за афоризм— журналу «Тайм»).

Ну, а для чего все-таки требуется столь изощренная уклончивость выражений? А вот для чего. Конечно, лопату можно обозвать и лопатой. Но назвать бедняка бедняком, а трущобы — трущобами опытный американский канцелярист не дерзает. Строй, которому он служит, желает выглядеть красиво, хотя бы в документах на гербовой бумаге. И сам чиновник предпочитает получать хорошую позитивную зарплату, а не субстандартное негативное пособие по безработице.

Вот и мистер Берген Эванс, ученый-языковед, утверждает, что эвфемизмы существуют, поскольку «без лжи жизнь была бы невыносимой». Очевидно, мистер Эванс имеет в виду жизнь официальных вашингтонских пропагандистов.

Но мы далеки от мысли, что в правительственных офисах занимаются враньем. Вранья нет. «Тайм» информировал нас, что вместо оскорбительного словечка «вранье» уже введено изящное «провалы правдоподобия».

Американские чиновники в погонах нисколько не уступают по части эвфемизмов своим коллегам в партикулярном платье. Пентагон превосходно оперирует словами в овечьей шкуре. Например, любимое выражение Пентагона «пацификация вражеской инфраструктуры» не имеет ничего общего с пацифизмом. Оно означает предание огню и мечу очередной вьетнамской деревни.

Итак, подобьем итоги.

Миллионы непривилегированных американцев проживают в субстандартных жилищах и занимаются негативным накоплением из-за того, что Пентагон одержим идеей пацификации вражеской инфраструктуры, а правительственные обещания исправить ситуацию состоят сплошь из одних провалов правдоподобия.

АМЕРИКАНЦЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

— Как ты смеешь, грязный негр, стоять рядом со мной, белым!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ДЮССЕЛЬДОРФ. Председатель западногерманского объединения промышленников Берг выступил на банкете, устроенном кредитным банком в Дюссельдорфе. Он заявил, что «в случае необходимости можно стрелять в слишком решительных забастовщиков, и тогда сразу воцарится порядок».

Совершенно верно — «новый порядок».

ЛОНДОНДЕРРИ. Корреспондент лондонской газеты «Ивнинг ньюс» несколько зарапортовался, передавая корреспонденцию о бесчинствах полиции в Северной Ирландии. Пытаясь обелить действия карателей, он написал: «Полиция стреляла только поверх голов толпы». Иначе говоря — в воздух. Но как же тогда объяснить следующую фразу его сообщения: «Несколько человек получили ранения в ноги»?.. Может быть, сам корреспондент стоял на голове?

ИОГАННЕСБУРГ. Южноафриканские националисты любят английское виски под названием «Куин Энн скотч» («Виски королевы Анны»), но им не нравится ярко выраженный британский монархический душок этого названия. Джон Буль, заинтересованный в торговле с цитаделью расистов, немедленно пошел навстречу. Теперь на бутылках, предназначенных на экспорт в ЮАР, красуется новая этикетка — «Виски ант Энн» («Виски тети Анны»). Ради выгодной торговой сделки можно даже королевой поступиться!

— А мы, голубчик, решили приодеться в духе твоего проекта...

Рисунок А. КРЫЛОВА

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ,
специальный
корреспондент
Крокодила

Ох, как трудно руководить этой областью человеческих отношений, контролировать ее, направлять! Нет у нас вышестоящей инстанции, призванной следить за любовью. И никто не думает о создании министерства или, на худой конец, управления по делам любви.

Есть, конечно, загсы. Но они только регистрируют любовь, не руководя ею. Влюбленные по собственной, зачастую стихийной инициативе подают заявления. А через месяц, одетые с иголочки, они салютуют себе шампанским, обмениваются кольцами, оставляют в архиве свои автографы и укатывают в неизвестном направлении.

На этом загсы теряют их из виду. И уже ни одна должностная душа не осуществляет над ними контроля.

Кроме Зайцева Николая Капитоновича. Этот товарищ является начальником орготдела Совета Министров Удмуртской АССР. И в силу своей должности занимается всяческими вопросами. Сегодня его, к примеру, интересует торговля, завтра — любовь, а послезавтра он сопоставляет обе сферы и находит в них противоречие.

Беда в том, что любовь охватывает все большее число граждан. Граждане, как детсадовцы, разбившись на пары, спешат в упомянутые загсы. Там им вручают расписанные золотом приглашения. Чтобы они не перепутали дату бракосочетания. И чтобы приоделись и приобулись соответственно моменту. В специальных магазинах по торговле дефицитными промтоварами.

Дефицит же есть дефицит. Его любят все: и холостяки и ветераны брака. Но ветеранам труднее. Ибо чем больше влюбленных оформляют отношения, тем больший вакуум образуется на прилавках.

Задумаешься... Так ли уж безобидны браки? Не нанесут ли они непоправимый урон нашей торговле? И нельзя ли хотя бы часть будущих супругов отсеять, обделить дефицитом?

И Николай Капитонович собирает совещание по торгово-любовным вопросам.

— У меня,— говорит он,— не укладывается в голове, с какой стати мы всех бракосочетающихся поголовно награждаем приглашением.

Ведь многие субчики разводятся и, как ни в чем не бывало, являются в загс для повторного бракосочетания. И мы, допуская немыслимую глупость, снова поощряем их. Посредством того же приглашения.

Пора сформулировать: «Не сберег первую семью — получай вторую без приглашения и дефицитного товара!» Осуществление этого принципа поправит и дела торговли, учитывая количество повторно сочетающихся. (Аплодисменты работников прилавка.)

И вот что вскоре случилось.

Игорь Круглов влюбился в Зинаиду Уткину. Не подумав хорошенько, не заглянув к ней в документы, не согласовав своего чувства в орготделе. Хотя она и была разведенная. И хотя лично он особых отметок в паспорте не имел.

В загсе им выдали одно приглашение. Для Игоря.

«Дорогой жених! — говорилось в нем.— На Ваше бракосочетание Вы можете пригласить родных и знакомых».

— Позвольте, а где же приглашение для дорогой невесты? — растерялся Игорь.— С кем я буду, с вашего позволения, сочетаться?

— Очень сожалеем, но есть указание товарища Зайцева: таким, как ваша невеста, приглашений не выдавать. Пригласите ее в числе родных и знакомых. Авось, не рассыплется.

— Не понимаю, отчего такая дискриминация невесты?—поразился жених.— Почему она должна проникать в загс воровским манером, смешавшись с родными и друзьями? Да и как смешаться? Все равно фата и белое платье выдадут.

— Не выдадут,—успокоили его.—Где она их возьмет без приглашения?

— В самом деле,— подхватил Игорь,— где она их возьмет? Я на жениховское приглашение расфуфырюсь, а невеста на моем фоне предстанет бедной родственницей? Так?

— О чем же вы думали, когда влюблялись? Пораскинули бы мозгами, взвесили бы ее темное прошлое. Возможно, и не пришли бы сюда.

— Какое темное прошлое? — удивился Игорь.— Она без судимостей.

— Этого еще не хватало! — возмутились работники загса.— Довольно и того, что разведенная она! Или вы, прежде чем влюбиться, не заглянули в ее паспорт?

— А заглянул бы — не влюбился? — спросил Игорь.

— Влюбились бы,— ответили ему.— Ежели вам наплевать на закон.

Вот. Сболтнули о законе. Возбудили в Игоре любопытство. Пошел он в горсовет. «Дайте,— говорит,— одним глазком взглянуть на закон, который направлен против любви». А где его взять, закон-то, если нет его? Не написан ни никем. Не подписан. Не издан.

Игорь — в Москву. Мечется по столице, ищет ведомство, которому подчиняется любовь. Не находит. Так как министерство любви, повторяем, еще не сформировано. И никто не в состоянии ответить ему ясно и категорически, какие санкции предусмотрены в отношении повторно брачующегося. Ведь единой точки зрения нет.

Я, например, познакомившись с торгово-любовными мероприятиями тов. Зайцева, полагаю, что оргтодел Совмина мог бы ограничиться в данном случае позицией стороннего наблюдателя.

Тем более, что в любви, как известно, третий лишний.

г. Ижевск.

Владимир МИТИН,
специальный
корреспондент Крокодила

Оставим пуристам обезличенный холодный глагол «есть». Введем домашнее слово обжор и гостеприимцев: кушать. Я хотел именно кушать: на дому у старого доброго друга, одесского хирурга М.

Как работает такой доктор?

Все утро он колет, рубит, режет. В полдень, с ловкостью шпаглотателя съев колючий килечный бутерброд и выпив из пробирки очень некрепкого чаю, он ловит такси и мчится работать в другой конец города, на Слободку. Домой возвращается он вечером.

Как хочет кушать такой труженик?

Не как волк, не как лев и даже не как собака. Он голоден как человек. С большой или маленькой буквы, выбирайте.

И вот мы сидим на дому у доктора; наш стол стерилен в ожидании пациентов. Включен телевизор, имеющий передавать сражение «Черноморца» с какими-то провинциалами. И входит почтенная мама доктора, неся бычков, дунайскую сельдь и рыбу скумбрию с обязательным ударением на последнем слоге. Позже будут сочащиеся битки и фаршированная утиная шейка, при поглощении коей отключается всё, даже телевизор.

— Кушайте,— говорит мама и подсаживается сбоку приглядеть за порядком.— Кушайте, Володя. Но сегодня вы уйдете от стола голодный!

Я знаю издавна, что этот вопль вырывается из груди одесской хозяйки в пароксизме угощения, когда у гостя уже отлетают на животе пуговицы от сорочки. Но тут я вижу, что на столе нет «синих» — баклажанной икры по-одесски. Мать доктора, проделавшая сложный трамвайный вояж, не купила «помидору» даже в том павильоне, что украшен вывеской — «Всегда в продаже свежих овощей»...

— Алик,— грустно сказала в конце ужина докторская мама,— завтра ты сам поедешь в город и купишь компоненты для «синих».

— Нет! — воскликнул я.— Это я пойду утречком на Привоз и куплю компоненты...

Нет смысла описывать Привоз, это уникальное пищевое торжище. Краше, чем писатели-одесситы, не скажешь. Я полюбовался фламандским пиршеством красок и пересчитал наличные. Затем я прибавил к суточным квартирные и, подумав, приплюсовал также проездные. Но тут, как во сне, явилось предо мною лицо нашего бухгалтера, и я поспешно вышел из базарных ворот к магазину «Овощи — фрукты».

Магазинные полки были конструктивистски строги. Ни фламандского, ни какого-либо другого натюрмортного великолепия здесь не наблюдалось. Компонентов — помидоров, лука, перчика — не было. Посещая один магазин плодоовощторга за другим, я приблизился к зданию треста овоще-молочных совхозов.

Его руководитель Иван Семенович Целиков выступил из-за стола, держа в руках картонный ящичек. То ли от ящика, то ли от лика Ивана Семеновича исходило как бы сияние, свечение. Сама благодать реяла в полутемных кабинетных сферах.

— Наша гордость,— сказал Иван Семенович.— Наше детище. Это макет тары, которую мы будем изготовлять сами из полиэтилена с помощью одной артели... Какой артели? А вот этого я не скажу. Думаем также пригласить инженера, чтобы он нам высчитал параметры.

— А помидоров нет? — спросил я.

— Григорий Борисович! — радостно крикнул Иван Семенович учрежденческому юристу.— Идите сюда. Я познакомлю вас с товарищем из нашего сатирического журнала. Товарищ хочет пригвоздить нас к столбу юмора и сатиры...

Григорий Борисович пожал мою руку, и все трое мы определенный период времени любовно смотрели друг на друга. Давление благодати достигало пяти-шести атмосфер.

— А помидоров в городе все-таки нет? — откашлявшись, задал я тот же неделикатный вопрос.

— А помидор есть,— уже серьезно сказал Иван Семенович.— План мы выполнили, хоть год был нелегок. Сознаюсь, некоторые хозяйства, как, скажем, «Троицкий», «Вторая пятилетка», «Россия»,— похуже. Многие, например, имени Октябрьской революции, Кирова, «Авангард»,— получше. Помидор есть. А вот тары нету. Поэтому возить в город томаты, а равно всю прочую овощ нет никакой возможности.

Мы снова тепло посмотрели друг на друга.

— По-моему,— молвил Григорий Борисович,— товарищ не верит. Ну, что же. Я согласен поехать с ним в любое хозяйство экспромтом. Только прежде проедем на Сахалинчик...

Сахалинчик оказался всего-навсего улицей у консервного комбината. Вдоль нее, насколько хватало моих очков в шесть с половиной диоптрий, краснели грузовики. Крас-не-ли. А не чернели, не серели и не тарахтели. Шоферы лежали под кузовами, и помидорная кровь капала на шоферские стеганки. Шоферы спали.

— Вот,— сказал Григорий Борисович,— как расправляются с производителями их городские контрагенты. По отношению к ним мы, овоще-молочные совхозы, занимаем самую бесправную позицию. Машины простаивают здесь сутками. А возьмите Жовтневый торг! Там на базе — шесть человек аппарата, а принимают они лишь по три машины в день! Областное объединение «Главплодоовощторг» требует: давай кондицию. Иначе они не принимают товар. Но посудите сами: пока мы найдем «колеса», пока мы в муках отыщем тару, любая продукция теряет свое первозданное качество. В общем, я не спорю, торг тоже в чем-то прав. Какое его дело до того, в каких условиях мы работаем? Его дело — продать. Больше того, их придирчивость вполне понятна. Они продавцы. Они хотят кондицию. А как ее дашь без тары? Как ее дашь, если транспорт у хозяйства не свой, а привлеченный? Считайте, что 70—80 процентов времени у производителей уходит на реализацию.

— А торгу что? — вдруг хриплым страшным голосом сказали из-под ближайшего грузовика.— Они хотят иметь товар за без денег...

Видя мое изумление, Григорий Борисович рассмеялся:

— Не смущайтесь. «За без денег» — это местное речение, оно в целом довольно точно обрисовывает ситуацию. Это значит, что торг получает от нас овощи по оптовым ценам. А реализовывать эти овощи торг будет, так сказать, уже «за без даром», то есть за наличные, по цене розничной... И только. А как было бы хорошо, если бы они сами приезжали за нашей продукцией, сами бы получали ее и, понятно, сами бы делали и все остальное!

Мы уже выехали за город, и понеслась вокруг нас благодатная, прокаленная сухим зноем, вздрагивающая звоном цикад Одесщина... На полях лежало около тридцати процентов неубранной продукции. Тысячи тысяч помидоров были втоптаны в грязь или неумело спрятаны под ботву... На нас надвигался искомый совхоз «Авангард».

— Но город нам помог,— сказал директор совхоза тов. П. А. Панков,— без него, возможно, мы бы и не справились. Ведь урожай был хорош, и бахча уродила неплохо. Но смотрите, что получается. Мы теперь стреножены, связаны торгом и по рукам и по ногам. А важна непосредственная связь с магазинами. А есть она? Нет. А ведь, знаете, раньше была такая связь. Отдельные, допустим, районные торги знали, куда именно им ехать за помидорами, за лучком, за перцем. А возьмем Молдавию. Там есть связь. И в братской Болгарии есть. «Купцы» сами заказывают, сами дают тару, сами ориентируют.

В это время в кабинет директора принесли депешу от какого-то торга или с какой-то городской базы. С просьбой отгрузить в их адрес и подвезти столько-то тонн винограда. Читая пламенное телеграфное послание, директор саркастически усмехнулся. А может быть, сардонически улыбнулся. Так или иначе, вслух он сказал:

— Вот, смотрите, еще один аспект этой проблемы: пока мы доставим этот виноградик к ним, он потеряет весь свой товарный вид. Уйдет уйма времени. А знаете, что мы за это время могли бы сделать? Мы могли бы и сами отдать виноград на сторону. План мы перевыполнили еще в начале сентября. Но нам не разрешают реализовывать сверхплановую продукцию!.. А какие у нас связи сейчас же нашлись бы! Эх-ма... Киев, Кировоград... Только свистни! И никаких проблем с тарой...

Мы поговорили еще немного и пошли смотреть комплекс теплиц, сооружаемый уже несколько лет. Конца строительству не было видно, зато было видно, как сырая штукатурка отлетела от скелетика теплицы и плюхнулась в зеленую жижу...

— Так-то,— философски сказал на прощание Петр Алексеевич Панков.— Вы не журитесь. Я вам дам немного «синих» и помидоров. Покажите их в центре. Пусть посмотрят, какую мы делаем отборную продукцию...

Продукция в самом деле была хороша. Только, каюсь, до центра я ее не довез. Вечером мне тоже хотелось кушать, как доктору, и его мама сделала «синие».

И опять мы сидели на дому и смотрели по телевизору КВН, где одесская команда била наголову прочих варягов, имея нагрудные значки «Одесса-КВН» величиной с добрый щит.

Мы спорили с доктором и кричали. Он говорил, что я должен выслушать точку зрения облплодоовощторга, а я утверждал, что это ни к чему. Они скажут, что они тоже правы, что не их это дело — возить продукцию... И мы задумались: а кто же в действительности прав?

— Я вам скажу,— кротко произнесла докторская мама, священнодействуя над «синими».— Права я, потребительница...

Кстати, привожу обещанный рецепт «синих». Отборные баклажаны запечь в духовке. Когда корочка лопнет, снять ее, мелко нарубить баклажаны, добавить помидоров (без шкурки!). Все это смешать с маслом, уксусом, шинкованным луком, чесноком. Только — ха! Где вы достанете чеснок?..

г. Одесса.

ФИЗКУЛЬТУРА и СПОРТинвентарь в одном колхозе

Поднятие тяжестей.

Толкание ядра.

Упражнения на коне.

Баскетбол.

В яблочко.

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА

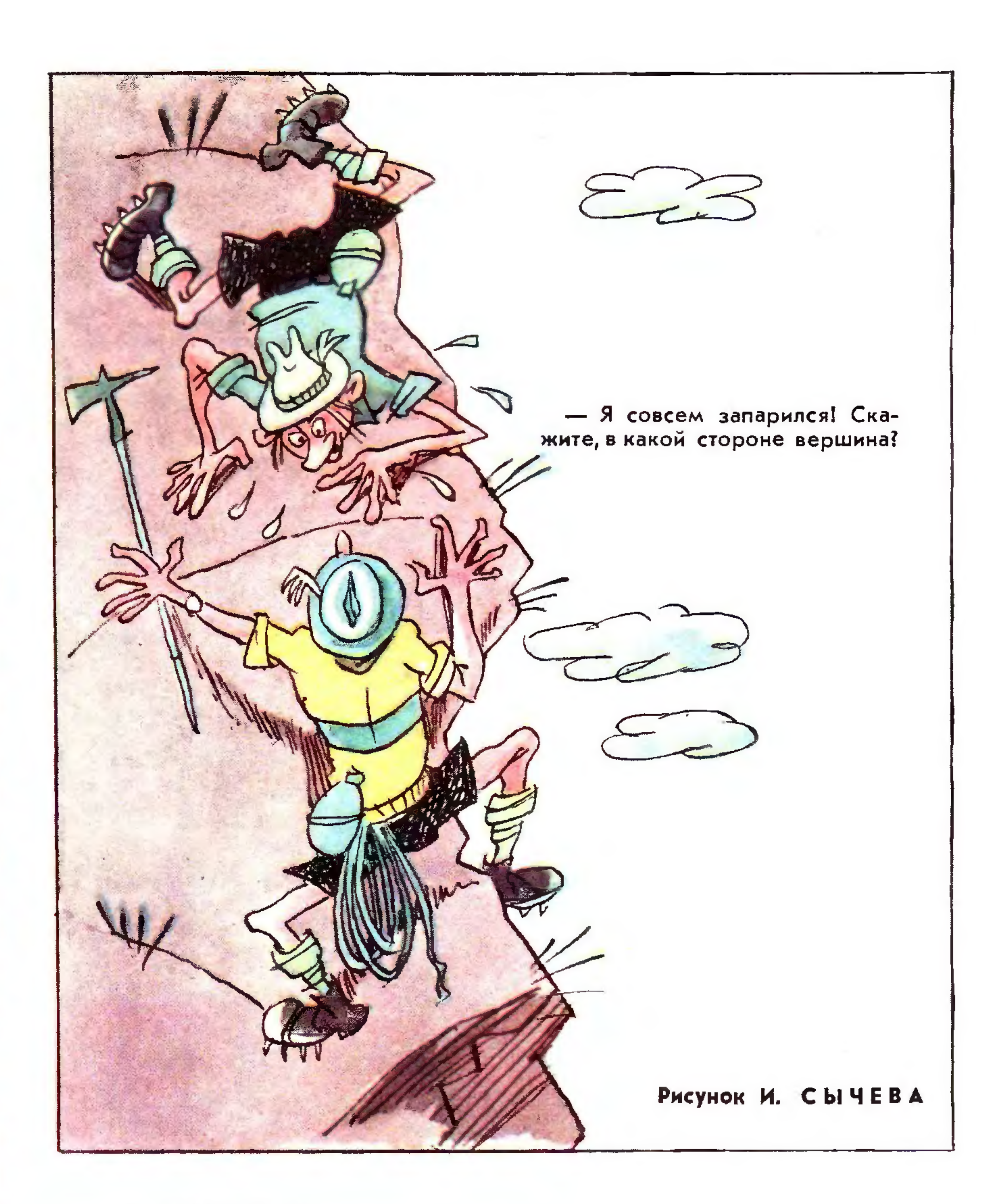

— Я совсем запарился! Скажите, в какой стороне вершина?

Рисунок И. СЫЧЕВА

Евгений ГУРОВ

Но было уже поздно...

Мы вышли в полуфинал. Хрустальная ваза, именуемая кубком по футболу, стала для нас реальностью. Настроение было бодрое. Мы говорили своему капитану:

— Витя, побежим круг почета — держи кубок крепче. Уронишь — разобьешь. Из зарплаты будут вычитать. Мотороллер продашь. Костюм продашь. На работу в спортивной форме ходить будешь. Кушать к нам приходи. Два раза в месяц тебя каждый накормит.

В день полуфинальной встречи с неба текло, вдоль тротуара текло, из носу центрального защитника Сереги Хлеба тоже, извините, текло. («Хлеб» — это спортивный псевдоним, вообще-то он Хлебников.)

Игра выдалась тяжелая. Поле скользкое. В центральном круге большая лужа. И еще несколько небольших в разных местах поля.

Мы боролись, как львы. Настрой боевой. Но и противник интересовался хрустальной вазой не меньше нас.

За двенадцать минут до конца встречи счет стал ничейным — 2 : 2.

Все решилось за две минуты до конца игры. Я получил мяч в центральной луже, прошел по левому краю, обманул защитников и вышел один на один с вратарем. Занес ногу для удара, поскользнулся и упал на мяч. На меня упали два защитника противника. На них двое наших.

С большим трудом мне удалось левой рукой вытолкнуть мяч из-под груды тел. Ни соперники, ни судья этого не заметили. Да что судья, моя правая рука не знала, что сделала левая.

Неизвестно откуда взявшийся Хлеб несильно пнул мяч, и он вкатился в ворота.

3 : 2!

По традиции мы кинулись к Хлебу. Мы били его по спине. Обнимали и крепко целовали. Прибежал даже Петька-Вратарь. Стукнул Серегу по спине тяжелой кожаной лапой и поцеловал его в обе щеки.

Можно было подумать, что трибуны скандировали не «Мо-лод-цы! Молод-цы!», а «Горь-ко! Горь-ко!».

Виктор Иванович, наш тренер, бегал по краю поля и кричал:

— Не целуйте его, он гриппозный! Не целуйте!..

А Серега застенчиво улыбался и вытирал нос рукавом футболки.

Последние две минуты противник штурмовал наши ворота. Мы все ушли в защиту, и счет не изменился. Мы вышли в финал!

Через два дня мы снова появились на поле. Светило солнце. Маленьких луж уже не было, а большая — центральная — стала маленькой. Команду нельзя было узнать. Нападающие не бегали, а ходили. Защитники стояли как вкопанные. Носы у ребят распухли и покраснели, глаза слезились... Серега Хлеб сидел на скамейке для запасных и тихо плакал. У него был такой жар, что, будь он лысым, на макушке у него прекрасно пеклись бы оладьи.

Проиграли мы, как говорят, с хоккейным счетом. Даже не хочется цифры называть.

Когда прозвучал финальный свисток и наши счастливые соперники по традиции сбились в кучу и начали целоваться, среди них появился Серега Хлеб. Он гладил их слабой рукой по спинам, поздравлял охрипшим голосом и целовал...

Но было поздно. Футбольный сезон уже кончился.

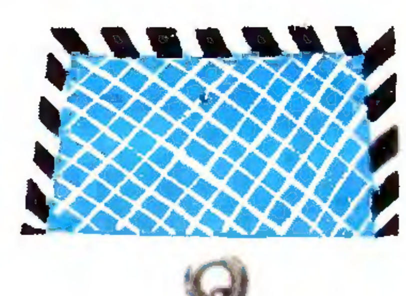

Вот и закончился футбольный сезон. В последний раз футболисты пропахали снежный покров давно уже не зеленых полей, последние энтузиасты-болельщики, скользя по льду трибун подшитыми валенками, уползли домой, чтобы переключиться на яростное хоккейное сопереживание. Статистики делят количество забитых мячей на количество ног форвардов, а газеты и журналы присуждают многочисленные призы. Кронодил тоже обещал в начале сезона (см. № 13). присудить медали «Чугунная нога» самым грубым игроам высшей лиги. В отличие от других призов наши медалнсты должны были быть избраны самими игронами этой лиги.

И вот мы можем подвести итоги. Футболистам задавался один вопрос: кто, по вашему мнению, самый грубый игрок в первой группе класса А? Всего мы получили больше ста ответов и поэтому легко обошлись без электронно-счетной машины.

ПЕРВОЕ МЕСТО ЗАНЯЛ ЗАЩИТНИК И. РЕМИН ИЗ МИНСКОГО «ДИНАМО».

ВТОРОЕ МЕСТО ДОСТАЛОСЬ ЗАЩИТНИКУ Ю. ИСТОМИНУ ИЗ ЦСКА.

Оба они, таким образом, стали лауреатами нашего конкурса и награждаются большими медалями «Чугунная нога» первой и второй степени. Вручение медалей, вырезанных из журнала, может быть произведено любым читателем. Носится медаль на левой стороне груди рядом со значком «Мастер спорта СССР».

Мы искренне надеемся, что в будущем сезоне наши призеры сделают все возможное, чтобы лишиться сомнительной чести быть кавалером медали «Чугунная нога».

ПРОСТО АНЕКДОТ

Старик поучает юношу, который сидит в трамвае:

— Я, молодой человек, страдаю ревматизмом, у меня высокое кровяное давление и к тому же трясутся ноги... Но когда я был молод, как вы, я всегда уступал место в трамвае старшим.

— И вот видите, к чему это привело! — парирует тот.

●

Врач:

— Чтобы желудок не болел, выпивайте ежедневно утром стакан теплой воды.

Пациент:

— Я так и делаю уже много лет кряду. Только жена это называет чаем...

●

Дама сообщает подруге, что в четвертый раз выходит замуж.

— Опять? — удивляется с я та.— Ты как дерево: каждый год новое кольцо.

●

— Вы спасли мне жизнь! Я дал бы вам за это пятьдесят долларов, но у меня только сотенная бумажка...

— Тогда вы, может быть, прыгнете в реку еще раз?

●

Пастор с амвона:

— Когда я призывал вас, сестры, свести ваши потребности к минимуму, я не имел в виду мини-юбки!

●

В двери квартиры стучатся грабители.

— Кто там?

— Не бойтесь, не гости!

●

Милиционер задержал женщину-водителя, которая ехала со скоростью 100 километров в час. Удивленная женщина заявила:

— Этого не может быть! Я никогда не слышала, чтобы в часе умещалось столько километров!

●

Женщина пришла к психиатру.

— Доктор, я хочу с вами посоветоваться. Мой муж — большой чудак. Я хотела бы узнать, нормален ли он.

— Вы очень легко можете это узнать. Задайте ему только один вопрос.

— Какой?

— Вот какой: капитан Кук трижды объехал вокруг света. Во время одного из путешествий он умер. Нужно ответить, во время какого из них.

Женщина подумала и вздохнула:

— Боюсь, что это выше его сил. Он плохо знает историю.

●

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

На днях мы получили такое любопытное письмо:

Дорогая редакция!

Я являюсь постоянным читателем журнала «Крокодил». Этот журнал мне очень нравится. Я сам лично сочиняю стихи. Работаю я электромехаником в районном узле связи. Весной и летом этого года я работал шофером в Бологовском автотранспортном предприятии, и там со мной случился печальный случай. Я попал в медвытрезвитель гор. Бологое. Администрация АТП потребовала, чтобы я написал объяснительную. И я ее написал.

«Объяснительная.

Мне обидно, я страдаю,
Но вины своей не знаю.
Ничего не натворил,
Никого не оскорбил,

Никуда я не врывался,
Просто чуточку шатался.
Драться вовсе не любитель,
А забрали в вытрезвитель».

Объяснительная моя очень понравилась, и никакого административного наказания я не получил. И я прошу Вас напечатать ее в журнале «Крокодил». Чтобы она выглядела интереснее, к ней можно нарисовать какой-нибудь рисуночек.

Дмитрий САДОВНИКОВ.
г. Бологое, Калининской области.

Мы удовлетворили просьбу Дм. Садовникова. И не только нарисовали «какой-нибудь рисуночек», но и прибавили к нему «какой-нибудь стишок».

Как хорошо,
что скромные стихи
Растрогали сердца
администрации
И пьянства вам отпущены
грехи
Без противалкогольной
агитации.

Такой заботой
нужно дорожить.
Валяйте! Пейте!
Вместо объяснения

Вы можете прощенье
заслужить
При помощи куплетов,
танцев, пения.

Вам все простят
поэзии любители.
А быть придется снова
в вытрезвителе,
Не принимайте там
обиженную позу:
Там — протокол и штраф.
Там любят прозу.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«При аптеке организован прокатный пункт, где можно получить во временное пользование лекарства».

(Газета «Арзамасская правда».)

«Стрельба из ружья на улице, хотя бы и в жену, создавала опасность для окружающих».

(Из приговора.)

Выписал Е. Михайлов.

г. Стерлитамак.

«Заключение главного инженера предприятия. Предложение отклонить, но, учитывая его значимость, премировать т. Кокушина А. А. в сумме 20 рублей».

(Из отзыва на рацпредложение.)

Прислал А. Первухин.

г. Пермь.

«Полученное нами извещение № 322 на Казанцева В. И. заверено штампом, так как круглая печать Крайдрамтеатра в настоящее время находится не на стационаре, а на гастролях».

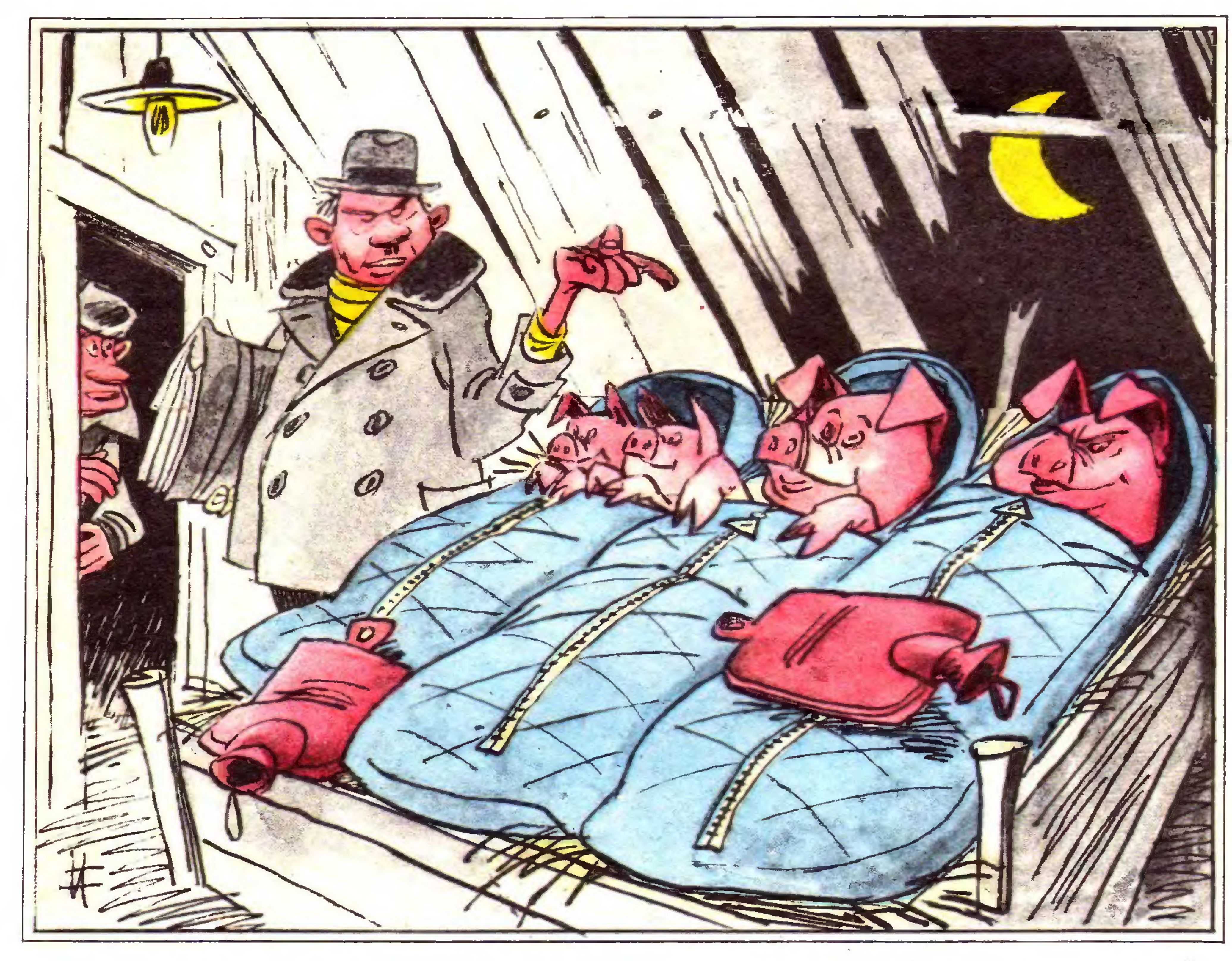
(Из объяснительной записки.)

Копию снял В. Седых.

г. Ставрополь.

Подписание договора о взаимном ненападении. Рисунок С. КУЗЬМИНА

— Достал вот для утепления свинарника!

Рисунок И. СЫЧЕВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«СТРАННАЯ БОЛЕЗНЬ»

В заметке, опубликованной под таким названием («Крокодил» № 20), рассиазывалось о том, что в салоне Аэрофлота Омского речного порта над окошечком иасс вывешены таблички с надписью: «Вопросы кассиру не задавать»,— н таким образом пассажир, приобретающий билет, не получает ответов ни на один вопрос.

И. о. начальнина Омского аэропорта тов. Д. Дедов сообщил редакции, что «критика признана справедливой н своевременной». Таблички изъяты. Заметиа обсуждена на собрании работнииов службы перевозок.

«С ЭПИТЕТОМ НАПЕРЕВЕС»

Три хулигана — С. Бушеев, В. Игнатов, К. Снлаев, рабочие орловского завода «Дормаш»,— былн доставлены в Заводской районный отдел внутренних дел.

Начальник райотдела майор милиции В. Прохоров был разгневан: как, в его районе хулнганы?! Надо их строго наказать... И руководяще написал: «Направить в товарищеский суд завода «Дормаш» за нетактичное поведение».

На заводе решили, что товарищеского суда мало, и направили дело в нарсуд. Нарсуд отправил дело на доследование в милицию. Милиция переслала дело... на завод.

В итоге хулиганы не былн наказаны. Обо всем этом рассиазывалось в фельетоне Э. Эделя «С эпитетом иаперевес» («Кронодил» № 24).

И. о. начальиика управления виутреиних дел Орловского облисполиома тов. Н. Зубов сообщил, что фельетои обсуждался на коллегии управления и был призиак правильным.

Коллегия осудила беспринципное отношение начальника Заводского РОВД В. Прохорова к проверке фактов хулиганства Бушеева, Игнатова и Силаева. Тов. Прохоров предупрежден о строгой ответственности в случае повторения подобных ошибок.

На инспектора Заводского райотдела Н. Романова, вынесшего нвобоснованное постановлёние об отказе в возбуждении уголовисго дела, наложено дисциплинариое взыскание.

Против хулиганов возбуждено уголовиое дело.

Рисунок Н. ЕЛИНСОНА

С натуры.

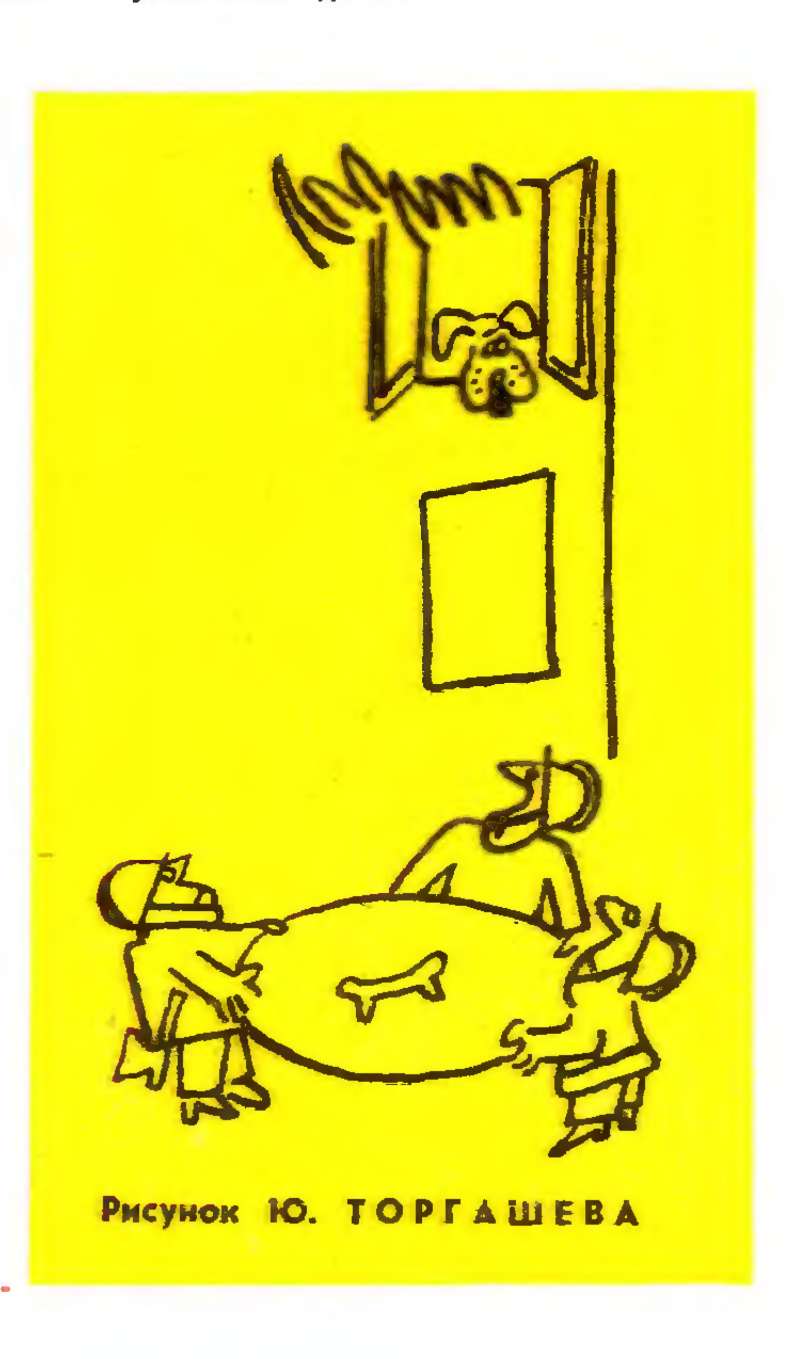

Рисунок Ю. ТОРГАШЕВА

КРОКОДИЛ

№ 33 (1935)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ВОСЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, П. Гейвандов (г. Душанбе), А. Грунин, Н. Елимсои, С. Кузьмин, Н. Лисогорский, А. Скотаренко, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Торгашев (г. Пенза).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00229.
Подписано к печати 20/XI 1969 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 500 000 экз.
(1 завод: 1 — 4 453 300)
Изд. № 1879.
Заказ № 3096.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

НЕФТЯНОЙ ФОНТАН В СЛАБОРАЗВИТОЙ СТРАНЕ

Рисунок Юлия ГАНФА